

Управляющий «Империял», обеденного клуба в районе Митте, недалеко от Бранденбургских ворот, предоставлял Эльке Хауптман на время ее выступлений стул, но она редко им пользовалась.

Ей нужно было иметь возможность передвигаться. Одета в выцветшие джинсы «левис» с высокой талией — ее единственную пару, которая стоит более двухсот американских долларов — белую футболку и мотоциклетную куртку из искусственной кожи, Эльке пела все, что только можно себе представить, от любимой солдатами Востока и Запада песни «Лили Марлен» до песни Ареты Франклин «Уважение».

Несмотря на то, что восточные немцы жили под надзором государства, а может быть, и благодаря ему, они были очень общительны в кругу хорошо знакомых им людей, склонны к посиделкам за фондю и общению в группах. В «Империяле» было три таких рабочих клуба, каждый из которых состоял из полудюжины пар.

Среди них было немало неженатых завсегдатаев, пришедших утопить свою печаль в разбавленном спирте или кислом пиве «Берлинер-вэйс».

Большинство людей не обращали внимания на газеты, зная, что это пропагандистский орган ГДР. Голливудские фильмы считались упадническими и вредными для благосостояния государства. Можно было смотреть западное телевидение — популярной была программа «Даллас». Но для этого нужно было направить свои антенны в ту сторону, что давало Штази основание полагать, что сердце и разум тоже направлены на Запад.

Семейным парам было гораздо проще проводить время в карточных играх и клубах, танцевать, выпивать и приходить послушать пение Эльке Хауптман.

Некоторые исполнители играли для публики, но Эльке, лаская микрофон и покачивая бедрами, пела для себя. Чаще всего она не обращала внимания на толпу. Сегодня вечером она заставила себя посмотреть на других людей, оказавшихся вместе с ней в восточной ловушке. ГДР любила демонстрировать ее талант и регулярно отправляла ее петь на Запад — всегда держа в заложниках Увэ и Ганса, чтобы у нее не было соблазна остаться. Деньги были хорошие, но люди были слишком хорошо одеты, слишком толсты, слишком... счастливы.

Общая беда приносила извращенное чувство покоя. Свиньи, идущие на заклание, были спокойнее, если шли группой.

Из-за слепящего света сцены невозможно было разглядеть лица за несколькими столиками, но она закончила свое выступление кавером на новый сингл Пэт Бенатар «Неуязвимость» для них, ее товарищей по несчастью. Все в клубе хлопали или лихорадочно стучали костяшками пальцев по столам, все, кроме Курта Пфайфера, который угрюмо сидел в одиночестве за столом справа от сцены, откуда были видны и входы, и выходы. Место стрелка, так он его называл.

Свет на сцене померк, оставив их в бликах ненавидящего взгляда Пфайфера. Эльке вздрогнула, увидев его, словно выдра, перебежавшая ей дорогу.

Она сняла куртку из кожанамениителя и долго пила воду из стакана, стоявшего на табурете рядом с ней. В его приближении чувствовался мрак, и ей пришлось заставить свою руку не дрожать.

Несколько человек из зала собрались, чтобы поприветствовать ее и похвалить ее пение. Не сразу они узнали Пфайфера, и, подобно библейскому морю, расступились, чтобы дать ему

дорогу. Иметь друга из Штази было все равно что заразиться чумой, и Эльке задавалась вопросом, придет ли кто-нибудь снова послушать ее пение. Как всегда, Пфайфер был безупречно одет. Золотая заколка держала его галстук и воротник крахмаленной рубашки в идеальном порядке. Золотые запонки сверкали в свете ламп, когда он хлопал, медленно, горько, как будто ему было совсем не до веселья.

Элька взяла полотенце с табурета, стоявшего рядом с ее стаканом с водой, и промокнула лоб. Белая футболка намочила от пота и стала почти прозрачной. Она пожалела, что сняла пиджак, но не хотела доставлять ему удовольствие видеть, как она надевает его обратно.

— Что вы здесь делаете? — заставила она себя улыбнуться.

— Вопрос... — сказал Пфайфер, угрожающе глядя на нее. — ... в том, что вы здесь делаете?

— Что я здесь делаю, майор? — потрясенная, она пожала плечами. — Я работаю.

— Вот как? — он понюхал воздух и посмотрел на ее рубашку. — Такие места, как это, часто привлекают мерзких людей...

— Я обязательно укажу на это герру Шуману, генеральному прокурору из министерства юстиции. — Эльке кивнула в сторону пары за соседним столиком. — Герр Шуман здесь со своей женой Кристиной. Или, возможно, господину Лутцу, который сидит в баре. Как я понимаю, он женат на кузине генерального секретаря.

— Не о клиентуре. — губа Пфайфера дернулась, но он быстро восстановил самообладание. — Я говорю о тех, кто охотится за клиентами. Скажу прямо. ЧТД.

ЧТД — это сокращение от «часто трахающихся с другими» — что, в свою очередь, обозначает человека, на постоянном основе меняющего половых партнеров. Проституток.

— Интересно, сколько денег может заработать девушка, лежа на спине? — Пфайфер облизал губы, затем прикурил сигарету.

— Ты ублюдок. — сказала Эльке, не в силах сдержать себя.

Ей оставалось только выколоть ему глаза.

— Должен сказать, что твоё присутствие здесь, развратный характер платья... — Пфайфер затянулся сигаретой, продолжая разглядывать ее грудь через футболку. — Это заставляет задуматься...

— Вы — эксперт! — она наклонилась к нему, зарывав, с каждым словом разбрасывая плевки. — Если кто и превратил меня в шлюху, так это ты!

— Заткнись! — шипел Пфайфер. — Я обещаю что...

— Что ты мне обещаешь? Что вы разрушите мою семью, карьеру моего мужа? Мне кажется, что ГДР нужна работа моего мужа.

Несколько клиентов подняли глаза от своих столиков, не слыша разговора, но явно понимая, что идет острый спор.

— Тебе нужно успокоиться. — прошептал Пфайфер. Он принужденно улыбнулся и похлопал ее по плечу, чтобы показать остальным, что все в порядке. Он некоторое время изучал ее сквозь

облако сигаретного дыма, а затем, чтобы показать, что он все еще главный, сказал. — Твоя последняя песня была позорно подрывной.

— Но публике, похоже, понравилось.

Эльке скрестила руки на груди, испытывая отвращение и холод от влажной футболки. Ей нужно было выпить воды, но руки слишком сильно дрожали, чтобы поднять стакан.

— Зрителям нравится погрязнуть в западном буржуазном декадансе. Ответственность несет зачинщик. Я говорю тебе, чтобы ты держалась подальше от этой песни Бенатар. — он выпустил дым ей в лицо. — От песен, которые ты поешь, ты становишься похожа на шлюху.

— «Неуязвимость» находится в чартах здесь, в ГДР! — она затянулась. — Ваше правительство не остановило ее.

— Мое правительство? — из груди Пфайфера вырвался низкий рык. — Позвольте спросить вас, уважаемая. Кто этот враг из песни? Кому ты бросаешь вызов... противостоишь? Это я? Государство?

— Это песня, не более того.

— А шутка — это шутка. — сказал он. — Но шутки и песни обычно раскрывают истинную сущность человека, они, как говорится, сдирают кожу и показывают, что скрывается под ней.

— Я должна идти домой. — она повернулась и схватила свою куртку с края сцены.

Пфайфер наклонился ближе и обнял ее. Сигарета свисала с его перекошенных губ. Французский одеколон, в котором он купался каждое утро, клевал ее глаза, как вонючая птица.

— Я хочу спросить тебя только один раз. — сказал он. — Вы меня преследуете?

— Что?

Он грубо схватил ее за предплечье, притягивая ближе. Элька вскрикнула и попыталась вырваться, но его пальцы впились в руку. Неизбежные синяки будет трудно объяснить мужу. К ним направился менеджер клуба, но она отмахнулась от него свободной рукой.

— Нет. — сказала она. — Я не буду вас преследовать. Я же вам сказала. Я работаю. Мое появление здесь было запланировано на несколько месяцев вперед. Проверьте в офисе, если вы мне не верите.

— Я скажу вам, что я думаю. — сказал он. — Я думаю, что все эти аплодисменты и обожаемые поклонники внушили вам ложное чувство собственного могущества. — он притянул ее к себе, как бы желая спокойной ночи. — Если «Имperiал» — такое благотворное место, то почему милый малыш Ганси не пришел посмотреть, как поет его мамочка? Наверное, ему уже пора спать. Он, должно быть, спит в своей маленькой деревянной кроватке под окном, где защелка не совсем надежно прикреплена к карнизу пожарной лестницы...

— Прекратите!

— О-о-ох... — Пфайфер положил руку на сердце и сказал со снисходительным видом. — Я бы никогда не обидел маленького Ганса. Мы с ним такие хорошие друзья. Я часто навещаю его в школе. Но я должен сказать вам, Эльке Хауптман, что в этом мире есть много плохих людей,

ужасных, развратных людей, которые ищут незапертые окна. Пока мы с вами друзья, я могу предложить вам только свою защиту. Безопасность нашего милого мальчика полностью в твоих руках, моя дорогая. — слеза скатилась по ее щеке, остановившись на дрожащей губе. — О-о-ох, дорогая. — он нахмурился, насмехаясь над ней. — Теперь мы не так уж непобедимы, не так ли? — он затушил сигарету о край сцены. На его лице расплылась злобная улыбка. — Что ж, у меня есть комната по соседству. Раз уж вы оказались поблизости, можете подняться и спеть для меня.

<http://tl.rulate.ru/book/107895/4063023>